
ФИЛОСОФИЯ Н.И. ПИРОГОВА КАК ОТВЕТ НА ВОПРОСЫ ЖИЗНИ

Е.С. Гревцова

Кафедра истории философии
Факультет гуманитарных и социальных наук
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10а, Москва, Россия, 117198

В работе предпринимается попытка доказательства принадлежности Н.И. Пирогова к экзистенциальной традиции русской философской мысли, нацеленной на решение мировоззренческих проблем жизнесмыслового характера.

Ключевые слова: экзистенциализм, русская философия, жизнь, мировоззрение, самосознание.

Имя великого русского хирурга Николая Ивановича Пирогова (1810—1881) широко известно. Оно вошло в историю медицины, стало частью московской топографии (памятник Пирогову работы В.О. Шервуда, названные его именем Большая и Малая Пироговские улицы), но осталось малоизвестным в истории философии. Между тем Пирогов является автором ряда замечательных философских сочинений, среди которых выделяются «Вопросы жизни» (1) (1856) и «Дневник старого врача» (1879—1881) — произведения, яркие по форме, глубокие по содержанию и, вместе с тем, предельно искренние и совестливые. С.Л. Франк чрезвычайно высоко оценил эти сочинения, подчеркнув, что Пирогов несомненно «принадлежит к числу самых выдающихся русских мыслителей» [1. С. 341]. Отдавая дань уважения Пирогову как глубокому религиозному философу, Франк в статье, посвященной его памяти и опубликованной в журнале «Путь» в 1932 году, выразил надежду, что «Забытый русский мыслитель Пирогов должен еще воскреснуть в сознании русского общества» [1. С. 350]. К сожалению, надежда Франка в полной мере не сбылась, и как мыслитель Пирогов до сих пор малоизвестен.

Существующие на сегодня немногочисленные попытки как-то оценить его философские взгляды нельзя признать вполне достоверными, отражающими действительную, особую роль Пирогова в истории отечественного философского самосознания. Имеются в виду, в частности, стремления сторонников «космизации» всей русской философии, представляющие Пирогова своего рода предтечей русского космизма [2]. Кроме того, следует указать также на фантастическую попытку представить Пирогова эзотериком, сторонником тайного знания, размышлявшим «о необходимости синтеза научных и вненаучных способов познания, который даст несомненный результат» [3. С. 16]. Согласно этой логике, Пирогов является изобретателем «нового космического мышления», имеющего какой-то неясный (и для самого Пирогова)... неземной источник. Утверждается, что по какому-то наитию Пирогов приблизился (только приблизился, остальное, якобы, довершили другие мыслители уже в XX веке, прежде всего Е.И. и Н.К. Рерих) к пониманию того, что «мысли, шедшие из пространства миров иного состояния материи, нес-

ли идеи, которые в определенной степени направляли развитие эмпирической науки и составляли как бы первичную материю этой самой науки» [3. С. 16].

На самом деле то, что названо здесь «новым космическим мышлением» Пирогова не имеет отношения к тому, что принято называть «философией русского космизма». По определению В.В. Зеньковского, его взгляды являются ничем иным, как своеобразным вариантом религиозной метафизики, имеющим немало внешних и внутренних сходств с идеями отечественной религиозной мысли и перекликающейся, в частности, с ее софиологической традицией [4. С. 369].

На внутреннюю близость философии Пирогова к софиологическим идеям указывает, по Зеньковскому, использование им соответствующей терминологии: «мировая душа», «мировая мысль», «мировая жизнь», «мировое мышление» и т.п. На это же указывают определения жизни как таковой, данные Пироговым и являющиеся результатом его осмысленного, прочувствованного мировоззрения, прошедшего разные ступени своего развития, — от материализма и позитивизма к «верующему мышлению»: «жизнь — это осмысленная, безгранично действующая сила, управляющая всеми свойствами вещества (то есть его силами), стремясь при том непрерывно к достижению известной цели: осуществлению и поддержке бытия» [5. Т. 2. С. 22] (2), и: «наш ум по необходимости должен принять беспредельный и вечный разум, управляющий океаном жизни» [5. Т. 2. С. 16]. Но это — не какое-то вновь открытое «космическое мышление», а вариант религиозно-метафизического миропонимания, восходящего к наиболее древней, — «софийной» — традиции мировой философии, понимающей ее цели и задачи как «искание Абсолюта» [6]. В более узком смысле специфика философских воззрений Н.И. Пирогова может быть определена с позиций метафизики веры (3), являющейся перспективной объяснительной моделью для истории русской религиозной философии, в том числе для рассмотрения религиозно-философских воззрений великого хирурга.

Настоящая статья имеет своей целью показать, что философское мировоззрение Пирогова, его метафизика веры имеет вполне земное происхождение и является результатом осмысления не навязанного чем-то извне, но его собственного уникального экзистенциального опыта, пережитого самим «старым врачом» и необычайно правдиво и достоверно переданного в его сочинениях. В этом плане характерно само название его основного произведения: «Дневник старого врача, писанный исключительно для самого себя, но не без задней мысли, что может быть когда-нибудь прочтет и кто другой». Ближайшим аналогом и созвучием для такого типа философии является экзистенциальная линия русского философствования, ярко представленная в творчестве А.И. Герцена, Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого, В.В. Розанова, Н.А. Бердяева и многих других отечественных мыслителей. Целью автора статьи является доказательство принадлежности Пирогова именно к экзистенциальной традиции русской философской мысли, нацеленной на решение мировоззренческих проблем жизнесмыслового характера. Это вовсе не предполагает причисления Пирогова к последователям или предвосхитителям концептуального экзистенциализма, возникшего в Европе после Первой мировой войны. В методологическом отношении весьма важным представляется провести

различение между экзистенциализмом как особым направлением философии XX века и «экзистенциальной философией», или философией «экзистенциального типа». Определяя этот тип философии, П.П. Гайденко пишет: «Мы здесь видим скорее попытку самовыражения с помощью образно-художественных средств, желание передать внутренний личный опыт, настроение, непосредственное эмоциональное переживание» [7. С. 6]. Речь в данном случае идет об идеях *экзистенциальной ориентации (точнее, религиозно-экзистенциальной)*, выраженных в исповедальной форме, т.е. об идеях, отражающих внутренние, порой противоречивые духовные искания Пирогова как живой философской личности, отнюдь не стремившейся обосновать или оправдать какое-либо определенное философское течение. Себя самого Пирогов не склонен был считать философом, его отношение к философии Нового времени, особенно к философскому рационализму декартовского и гегелевского типа, было весьма критическим, но нельзя не видеть, что он был истинным выразителем любознания, настоящим русским мудрецом, как его называл П.Б. Струве [8. С. 225—230]. В.В. Зеньковский замечал: «Пирогов не считал сам себя философом и не претендовал быть им, но в действительности мы находим у него цельное и продуманное философское миропонимание» [4. С. 366].

По утверждению Франка, «наибольшая оригинальность и значимость Пирогова как мыслителя, относится именно к... чисто философскому плану его мышления» [1. С. 343]. Одновременно Франк причислял Пирогова к создателям «классических произведений русской литературы XIX в.», считая, что его сочинение «Вопросы жизни», являющееся сочетанием «автобиографических и мемуарных записей с философскими и религиозными размышлениями», по своей духовной глубине должно быть поставлено рядом с «Былым и думами» Герцена (4). Только одну грань творчества Пирогова Франк оставил в стороне, лишь упомянув, а именно его педагогические идеи, что вполне объяснимо узкими рамками его статьи, посвященной памяти Пирогова как религиозного мыслителя.

В действительности Пирогов был не только великим врачом, но также и выдающимся практиком и теоретиком народного просвещения (по выходе в отставку с медицинской службы в 1856—1861 гг. — попечитель Одесского, затем Киевского учебного округа). С полным правом Пирогова можно назвать также создателем оригинальной экзистенциально ориентированной философии образования, тесно связанной с его общим философским мировоззрением. В числе первых, кто отозвался о педагогических идеях Пирогова, был Н.А. Добролюбов, опубликовавший в 1857 г. в «Современнике» статью «О значении авторитета в воспитании (Мысли по поводу «Вопросов жизни» г. Пирогова)» [9. Т. I. С. 33—50]. Добролюбов стремился, используя высокий общественный авторитет знаменитого хирурга, участника Крымской войны, представить Пирогова в качестве «прогрессивного педагога и публициста», критика существующей системы образования и социального критика, тем самым как бы приблизив его к идейному направлению «Современника». Вместе с тем Добролюбов ничего не сказал о религиозно-философском основании педагогики Пирогова, ничего общего не имевшем с материалистической, фейербахианской направленностью взглядов самого Добролюбова и философского лидера «Современника» — Н.Г. Чернышевского. Такое же отно-

шение к идейному наследию Пирогова было и в советское время, когда его заслуги как основоположника военно-полевой хирургии оценивались чрезвычайно высоко, а философско-педагогические идеи или замалчивались, или оценивались в духе Н.А. Добролюбова, т.е. в искаженном виде. Так, пироговской статье «Вопросы жизни» официальное издание АН СССР приписывало не существующий в ней оппозиционный политический смысл: «Выдержки из статьи читали даже декабристы в глухой ссылке» [10. Т. 2. С. 662]. При этом же о собственно философском содержании пироговской статьи ничего не говорилось, кроме глухого намека на то, что «не все положения этой статьи были на высоте требований передовой русской интеллигенции того времени» [10. Т. 2. С. 662]. Поскольку по своим идейным и политическим воззрениям Пирогов не был «передовым интеллигентом», т.е. в советском понимании — материалистом и революционным демократом, то его имя никак не упоминалось и в пятитомной академической «Истории философии в СССР» (1968—1985) (5).

Замечателен эпиграф к «Вопросам жизни», дающий представление об общем характере философии образования Пирогова и его мировоззрения в целом. «К чему вы готовите вашего сына?» — кто-то спросил меня. — Быть человеком, — отвечал я. «Разве вы не знаете, сказал спросивший, — что людей собственно нет на свете: это одно отвлечение, вовсе не нужное для нашего общества. Нам необходимы негоцианты, солдаты, механики, моряки, врачи, юристы, а не люди». Правда это или нет?» [11. Т. 2. С. 3]. В определенном смысле и педагогические, и философские построения Пирогова стремились к тому, чтобы дать ответы на вопрос: «Как быть, или как стать человеком?» Это и есть, по словам Пирогова, главный вопрос человеческой жизни, которым задается каждый, если только он не идиот или ни о чем не задумывающийся закоренелый догматик, «получивший однажды толчок» и всегдадвигающийся по инерции в заданном направлении подобно не разумному существу, но какому-то безжизненному небесному телу.

Таким образом, и теория воспитания Пирогова, и его философия, адресованная, как он говорит, «людям, имеющим притязание на ум и чувство», призвана ответить на следующие главные вопросы: «В чем состоит цель нашей жизни? Каково наше назначение? К чему мы призваны? Чего должны искать мы?» [11. Т. 2. С. 4]. Ответы на эти вопросы всякого мыслящего человека, стремящегося как-то подвести итоги своих жизненных стремлений, и есть ответы, формирующие его *мировоззрения* (именно во множественном, а не в единственном числе, ибо, согласно Пирогову, маловероятно, чтобы «кому-нибудь из мыслящих людей удалось в течение целой жизни руководствоваться одним и тем же мировоззрением» [5. Т. 2. С. 12]). Эта постоянная работа по выработке мировоззрений, подчеркивает Пирогов, «не прерываясь, тянется красною нитью чрез целую жизнь и не перестает руководить, как и управлять более или менее нашими действиями» [5. Т. 2. С. 13].

Особенностью пироговской интерпретации того, что такое мировоззрение, является подход к его определению отнюдь не только по рационалистическим критериям, фиксирующим в качестве статус кво тот уровень постижения мира в мысли, которого достиг человек. Центральными вопросами мировоззрений могут быть не только разум, но и вера, если это религиозное мировоззрение, а так-

же обычный житейский опыт, здравый смысл. Кроме того, рассмотрение Пироговым мировоззренческой проблематики потребовало от него редкого по искренности изложения эволюции своих собственных мировоззрений, того самопознания или самосозерцания живой человеческой личности, которое, по его мнению, является специфической способностью человеческого существа, его отличием от животных. Здесь дельфийское изречение «познай самого себя» приобретает особое, весьма поучительное, но свойственное только философской личности Пирогова содержание, поскольку предметом исповедальной беседы в «Вопросах жизни» является неповторимая жизненная судьба русского врача. Это судьба не архаического, а современного человека, — врача, ученого и педагога, выпускника Московского университета, получившего ученую степень в Дерпте, ветерана многих войн, обладавшего огромным жизненным опытом и пользовавшегося широкой общественной известностью. Искренне верующим христианином и религиозным философом Пирогов стал не на склоне лет, в качестве стареющего и кающегося в грехах дворянина, а в пору расцвета своей карьеры. Выходец из русской православной семьи, Пирогов в годы учебы поменял свое первоначально религиозное мировоззрение на атеистическое главным образом не в результате осознанного выбора, а под влиянием среды. Как сам Пирогов замечал с иронией, потому, что «вчера в Гостином дворе Иван Иванович сказал, что Бога нет». Учитывая масштаб личности Пирогова, В.В. Зеньковский в своей «Истории русской философии» стремился доказать на примере его философии ту выведенную им закономерность развития отечественной философской культуры, которую он связывал с «преодолением секулярной установки на русской почве». Поэтому он выделяет в отдельную главу (X) изложение взглядов Н.И. Пирогова и Л.Н. Толстого, что само по себе свидетельствует о том большом значении, которое Зеньковский придавал анализу философствования двух выразителей «своеобразного религиозного мировоззрения» [4. С. 365].

Позицию Зеньковского хотелось бы скорректировать только в одном. Результатом преодоления «секулярной установки» у Пирогова было не обретение последовательно церковного мировоззрения, как впоследствии, например, у другого выдающегося русского врача, основоположника современной гнойной хирургии архиепископа Крымского и Симферопольского Луки (Войно-Ясенецкого), автора книги «Дух, Душа и тело», а выработка позиции свободного религиозного мыслителя, в ряде случаев скептически относившегося к официальной синодальной церкви, также как А.С. Хомяков, В.С. Соловьев и другие русские философы. Пирогов, например, не был противником эволюционной теории Дарвина в ее применении к животному миру, в отличие от Н.Я. Данилевского и Н.Н. Страхова. Он писал: «...Я несколько не скандализируюсь происхождением человека от обезьяны; тем более чести уму какого бы то ни было существа, если оно сумело выйти, хотя бы и случайно, в люди. Для меня, однако же, не менее вероятен и обратный переход человека в обезьяну, — совершающийся почти на наших глазах» [5. Т. 2. С. 171]. Огромный жизненный опыт Пирогова приучил его к мысли о несовершенстве человеческой природы, где укоренились неблагодарность, холуйство, приворство, жестокость, лицемерие и прочие человеческие пороки, общие для всех

сословий. Замечая эти пороки, Пирогов был далек от идеализации простонародья, широко распространенной в эпоху реформ шестидесятых годов. Реальная правда жизни с необходимостью привела его к мысли о существовании идеала Христа, совершенной личности Богочеловека. Этот идеал, согласно Пирогову, есть начало, «сочувствующее всему человеческому» с его слабостями и печалью, и вместе с тем — закономерное оправдание подобия человека Богу. В противном случае, если бы его не существовало, «это значило бы признать себя какими-то бастардами от случки случая с случайной же природой» [5. Т. 2. С. 172]. Идеал веры в Богочеловека и всесовершенную личность Христа представляется Пирогову настолько свойственным человеку и его мироощущению, что и применение к нему известного афоризма Вольтера «если бы Бога не было, его следовало бы выдумать» не кажется автору «Вопросов жизни» кощунством.

Как и всегда, будучи предельно искренним, Пирогов задавался вопросом: грех ли это перед Богом, «если я отличаю, как гражданин и как человек, догматическое исповедание учения Христа, принявшее государственную, так сказать, оболочку, от духа, идеала и сути самого учения?» В этом случае сама церковь «не захотела бы насилловать мою совесть», поскольку Пирогов твердо признавал себя «сыном церкви по рождению и подданству, считающим несправедливым и противозаконным покидать ее лоно» [5. Т. 2. С. 216]. Провозгласив своей целью «знание самого себя», проникновение в тайники души, приближение к идеалу «полного самопознания», Пирогов постоянно подчеркивает трудность реализации этой задачи, требующей мобилизации всех нравственных сил человека, в частности, избавления от свойственного людям стремления казаться даже в своих собственных глазах совсем не тем, чем они являются на самом деле. Только дети, замечает Пирогов, еще не успевают выработать в себе это пагубное «двойничество», в котором взрослые сплошь и рядом «отыскивают самозабвение». Вот почему истинное самопознание определяется им как необходимое «изгнание двойника из глубоких извилин души», как «труд невероятный», как «постоянное напряжение духа», как «борьба с самим собой» [11. Т. 2. С. 17]. Согласно Пирогову, чем менее раздвоился «внутренний быт» человека, тем неразрывнее связаны у него мысль, слово и дело. Пример этой связи — то же детское сознание, не знающее или не чувствующее, что оно мыслит, так как сама мысль существует у ребенка через слово и дело. В этом случае произнесенное или совершившееся дело ощущается как приятное или неприятное впечатление, выступая в зачаточной форме различения между добром и злом.

Вступая на трудный путь самопознания, замечает Пирогов, «вы становитесь наблюдателем у неизмеримого кратера души, подстерегаете быстролетные мгновения, когда затихает извержение вечно клокочущей лавы, чтобы хоть украдкой взглянуть в эту страшную глубину» [11. Т. 2. С. 17]. Здесь происходит, по Пирогову, борьба «человека внутреннего» и «человека наружного», — борьба человеческих чувств, стремлений, страстей, аффектов и различных внешних формальных препон и сдержек, так или иначе препятствующих их реализации. Эта борьба имеет два исхода: или смириться и прекратить всякие «отвлечения», т.е., в терминологии Пирогова, перестать мучить себя разными смысложизнен-

ными вопросами, а это значит — «в книге бытия разбирать не смысл, а букву», или продолжать бесконечную работу — «с утра до ночи роясь в рудниках души, подстерегая мгновения ее свободы, заставить ее самое решить вопросы жизни» [11. Т. 2. С. 15]. При этом упомянутые «отвлечения», в понимании Пирогова, вовсе не являются простыми результатами обобщения жизненного опыта и его логического осмысления. Они есть результат не логики, но предчувствия, вдохновения, а также молитвы.

Но если, по Пирогову, самосознание есть специфически человеческая способность и качество, то для его характеристики представляется недостаточным указание на то, что сущность человеческого существования исчерпывается декартовским *cogito*, то есть самосознанием человеческого бытия в чистой мысли. На самом деле утверждение «Я есмь» является продуктом не мышления, а ощущения. Ибо слова «ощущаю свое я» можно сказать и не мысля. В более широком контексте, доказывает Пирогов, сознание собственного бытия «не есть достояние одной человеческой натуры; оно обще нам со всеми животными; как бы животное могло защищать себя, отыскивать пищу, вести борьбу за существование, если бы в нем не было сознания» [5. Т. 2. С. 10]. Отнюдь не «очеловечивая» животных, Пирогов, сделавший, по его собственному признанию, «сотни вивисекций» на собаках, рассказывает о своих личных наблюдениях за животными, убедивших его в реальном существовании сознания у собак. Пирогов замечает, например, что маленькая собачка при встрече с крупной обыкновенно в знак покорности ложится на спину и складывает лапки. Но не раз он видел, как большие дворовые собаки, наоборот, вопреки обычным законам поведения животных, увидали и ползали перед маленькой господской собачкой, пользовавшейся особым расположением хозяев дома. Это ли не указывает на наличие у животных сознания, — задается вопросом Пирогов.

Вот почему принципиальным отличием человека от животных является не сознание, а самосознание: «у нас есть не только сознание, но и ощущение сознания (самосознание) или, пожалуй, сознание сознания, отличающее нас от животных» [5. Т. 2. С. 212]. Исходя из вышесказанного, Пирогов предлагает критически пересмотреть классическую формулу рационализма Декарта: *cogito ergo sum*, заменив ее на равнозначную: *sentio ergo sum* (где вместо «мыслю» присутствует «ощущаю»). Что же касается основополагающего для философии самосознания понятия нашего бытия, то оно не сводится, по Пирогову, к чистой мысли. Первичной основой мировоззрения, согласно Пирогову, является не знание, а мироощущение, которое определяется следующим образом: «Ансамбль (*ensemble*) наших ощущений, доставляемых всеми нашими органами (сообщающимися и не сообщающимися с внешним миром, с нашим не-я) и есть наше бытие» [5. Т. 2. С. 11].

Критика Пироговым рационализма Декарта перекликается с аналогичной позицией Владимира Соловьева, изложенной в первой статье цикла «Теоретическая философия», имеющей название «Первое начало теоретической философии»; более того, эта критика отражает характерную черту отечественной метафизики в целом, названную В.В. Зеньковским онтологизмом. Анализируя декар-

товскую гносеологическую концепцию, всецело основанную на допущении чистого сознания, Соловьев замечает, что нет смысла ставить вопрос о существовании мыслящего, не выяснив прежде вопрос о том, «что такое бытие или существование», ибо «нет смысла ставить и решать вопрос о существовании чего-нибудь, когда неизвестно, что это такое» [12. Т. 1. С. 781]. И поскольку Декарт называет своего мыслящего субъекта «мыслящей вещью», «умственной, мыслящей или духовной субстанцией», то эти термины, взятые без всякой критической проверки, являются пережитками той самой схоластики, которую критиковал Декарт. Поэтому данный воображаемый Декартом субъект мышления есть, по Соловьеву, «самозванец без философского паспорта» [12. Т. 1. С. 781]. Для классического рационализма декартовского типа основополагающим является утверждение о том, что духовная субстанция «до того отвлеченна, что совпадает до неразличимости с мышлением вообще» [12. Т. 1. С. 783]. Указывая на эту первостепенную характеристику чистого субъекта мышления у Декарта, Соловьев называет ее искусственным образованием, «картезианским убудком» и выдвигает против этой характеристики, в сущности, то же возражение, что и Пирогов. Если Пирогов заменяет сухое, рационалистическое *cogito ergo sum* на экзистенциальное *sentio ergo sum*, то и Соловьев вслед за ним подчеркивает, что реальный познающий субъект, наше «фактическое Я» на самом деле есть не что иное, как «факт психической наличности, или непосредственного сознания».

Разумеется, ни в «Теоретической философии», ни в других своих сочинениях Соловьев не ссылаясь на философские работы Пирогова, и они остались для него незамеченными. Однако это не отменяет фактической близости их взглядов и принадлежности обоих к традиции отечественного онтологизма (В.В. Зеньковский) или онтологической гносеологии (термин С.Л. Франка). Наследие Пирогова в данном случае представляет собой наглядную иллюстрацию существования реальной онтогносеологической, экзистенциально ориентированной традиции русской философской мысли — от Хомякова с его «живознанием» до Франка с его «мы — философией». Думается, что высокая оценка Франком религиозной философии Пирогова основана как раз на внутренней близости экзистенциальных установок обоих мыслителей. Основные задачи философствования Пирогова (проследить пути формирования мировоззрений и жизненных убеждений человека, установить соотношение религиозной веры и философской истины и др.) созвучны ведущим мотивам философии Франка, а также тому, что он называл «русским мировоззрением», что в данном случае равнозначно понятию «национально своеобразная русская философия». Франк писал: «Высказывание «*primum vivere deinde philosophare*» (сначала жить, а потом философствовать. — *Е.Г.*), по внешнему утилитарно-практическому смыслу, есть довольно плоская банальная истина: но то же самое высказывание, понимаемое во внутреннем, метафизическом смысле, таит в себе (как выражение онтологического примата жизненного факта над мышлением) глубокую мысль, которая как раз и передает, по-видимому, основное духовное качество русского мировоззрения» [13. С. 170].

Таким образом, можно заключить, что мировоззренческие искания Пирогова, итогом которых явилось создание его собственной «метафизики веры», яви-

лись своего рода концентрированным выражением многих характерных проявлений русской философской мысли XIX века — от идеализма эпохи «философского пробуждения» 30—40-х годов до материализма и позитивизма 60-х, а затем и до «метафизического поворота» 70—80-х годов. Все названные эпохи русской мысли так или иначе получили отражение в его сочинениях философско-исповедального жанра, ставших ответами на вопросы не только его собственной, но и всей русской жизни. Пирогов стал одним из пионеров оригинальной религиозно-философской мысли второй половины XIX века, чьи идеи перекликались с последующими построениями В.С. Соловьева, Л.М. Лопатина, Н.О. Лосского, П.А. Флоренского, С.Л. Франка.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) У Пирогова два сочинения имеют название «Вопросы жизни»: первое — по размеру брошюры, вышло в 1856 г. в «Морском сборнике», второе — по размеру монографии, «Вопросы жизни. Дневник старого врача...», написанное в 1879—1881 годах, вышло по-смертно. Оба эти сочинения написаны в жанре философской исповеди.
- (2) В данной статье все ссылки даны на прижизненное собрание сочинений Пирогова в двух томах (СПб., 1887), а также на двухтомное собрание сочинений, изданное Пироговским товариществом в Киеве в 1910 году к столетию со дня рождения Пирогова. Собрание сочинений Н.И. Пирогова советского времени в восьми томах (М.: Государственное издательство медицинской литературы, 1957—1962) в ряде случаев представляет собой не вполне достоверный источник, так как содержит купюры и тенденциозные комментарии.
- (3) Об этом см.: *Нижников С.А.* Метафизика веры в русской философии. — М., 2001.
- (4) См. монографию автора статьи, в которой в общих чертах рассматриваются экзистенциальные мотивы философского творчества А.И. Герцена: *Гревцова Е.С.* Философия культуры А.И. Герцена и К.Н. Леонтьева. Сравнительный анализ. — М., 2002. — С. 24—30. При всех мировоззренческих различиях между Герценом и Пироговым их можно отнести к близкородственным мыслителям экзистенциальной направленности.
- (5) Основанием для непричисления Пирогова к «передовым интеллигентам» в советское время вполне могло послужить, в частности, резкое осуждение им революционного террора и убийства народовольцами Александра II. В «Дневнике старого врача» он писал: «Я с детства любил свое отечество, верно служил ему всегда, почитал верховную власть не в виде лица, — лично я не имел счастья знать ни одного государя, — но как главу государства; всегда считал для России жизненно необходимою сильную верховную власть, всегда имел отвращение от заговора и всякого тайного общества» (*Пирогов Н.И.* Соч. — Киев, 1910. — Т. 2. — С. 345). При поступлении на медицинский факультет Императорского Московского университета Пирогов дал подписку в том, что не состоит и не будет состоять в масонских и других тайных обществах. Тогда ему было всего 14 лет, но он остался верен своему слову на всю жизнь.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Франк С.Л.* Пирогов как религиозный мыслитель. К пятидесятилетию со дня смерти — 23 ноября 1881 г. // Франк С.Л. Русское мировоззрение. — СПб., 1996.
- [2] *Шаталов А.Т.* Н.И. Пирогов: размышления о жизни и вселенском Разуме // Философия русского космизма. — М., 1996.
- [3] *Шапошникова Л.В.* Великое путешествие. Книга третья. Вселенная мастера. — М., 2005.
- [4] *Зеньковский В.В.* История русской философии. — М., 2001.

- [5] *Пирогов Н.И.* Соч. в 2-х томах. — Киев, 1910.
- [6] *Майоров Г.Г.* Философия как искание Абсолюта. Опыт теоретические и исторические. — М., 2004.
- [7] *Гайденок П.П.* Мистический революционаризм Н.А. Бердяева // Бердяев Н.А. О назначении человека. — М., 1993.
- [8] *Струве П.Б.* Ученый, деятель, мудрец Н.И. Пирогов // Россия. Родина. Чужбина. — СПб., 2000.
- [9] *Добролюбов Н.А.* О значении авторитета в воспитании (Мысли по поводу «Вопросов жизни» г. Пирогова) // Избранные философские сочинения в 2-х томах. — М., 1945.
- [10] Люди русской науки. Очерки о выдающихся деятелях естествознания и техники. — М.-Л., 1948.
- [11] *Пирогов Н.И.* Соч. в 2-х томах. — СПб., 1887.
- [12] *Соловьев В.С.* Соч. в 2-х томах. — М., 1990.
- [13] *Франк С.Л.* Русское мировоззрение // Франк С.Л. Русское мировоззрение. — СПб., 1996.

PHILOSOPHY OF N.I. PIROGOV AS AN ANSWER TO THE QUESTION OF LIFE

E.S. Grevtsova

Department of History of Philosophy
Faculty of Humanities and Social Sciences
Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya str., 10a, Moscow, Russia, 117198

The article attempts to prove that Pirogov N.I. was a representative of existentialistic tradition of Russian philosophical thought which addressed the philosophical problems of life-semantic nature.

Key words: existentialism, Russian philosophy, life, consciousness, world-view.